

В. Г. Короленко

А. Серафимович. -- Очерки и рассказы

(Книга 1. Изд. Б. Н. Звонарева. Спб. 1901.)

Собрание сочинений. Том 5.

Литературно-критические статьи и воспоминания.

Библиотека "Огонек". Изд-во "Правда", Москва, 1953.

OCR Ловецкая Т.Ю.

Г-н Серафимович не новичок в литературе. Если не ошибаемся, уже около десяти лет назад появились в "Русских Ведомостях" его рассказы "На плотях" и "В тундре", в которых изображались картины нашего севера. Прекрасный язык, образный, сжатый и сильный, яркие, свежие описания и набросанные эскизно и бегло, но все-таки живые фигуры, -- все это не прошло незамеченным для тех, кто читал эти очерки. К сожалению, после этого г-н Серафимович появлялся в литературе редко, и рассказы его, небольшие и отделенные друг от друга значительными промежутками времени, не суммировались в памяти широкой читающей публики. Теперь они выходят отдельным изданием.

В настоящем выпуске мы находим восемь рассказов. В первом из них ("На плотях") полудикарь Кузьма гонит плоты вниз по небольшой северной речке. Перед читателем проходит ряд картин северной природы. "Тихо. Побелевшая ночь недвижно дремлет над водной ширью, над потопленными лесами... Белые туманы безжизненно висят над самой водой дымчатыми пятнами, отражаясь в зеркальной глади призрачными очертаниями..." Потом идут "берега высокие, речка легла в неширокое русло, вешние воды рвутся в узком месте. Плитка (плот) бежит, что карбас под парусами". Среди этих картин, набросанных сжато и красиво, одинокая фигура Кузьмы борется с сотнями многообразных опасностей. То мель, то подводный пень, то ветер, который грозит разметать плитку, а тогда -- зимой голодная смерть... А то опять люди, чужие плоты на пути. Кузьма смотрит одинаково и на реку, и на коряги, и на людей. Рискую надорваться, он стаскивает воротом плот, засевший на корягу, рискуя быть избитым до смерти, прорывается сквозь чужие плоты... Это еще человек внеобщественный, не имеющий понятия "о правах и обязанностях". Из "правления", где его судят, он спасается бегством, караван чужих плотов прорывает ударом, а перед бурей, где его физическая сила -- нуль, просто напивается до потери сознания...

Несмотря на всю эскизность рисунка, в этой фигуре, оживляющей пустынные пейзажи г-на Серафимовича, -- читатель с некоторой грустью чувствует непосредственную жизненную правду и -- увы! -- не только "местную" правду: в чертах этого наивного сына дикого севера чувствуется нечто более широкое -- и близкое... В следующем очерке северный пейзаж занимает почти половину, но даже эта неумеренность списаний не утомляет читателя, так ярки эти картины своеобразной природы. Вторая половина рассказа изображает трагическое столкновение "закона" с дикой непосредственностью сына тундры, самоедского богача, убившего старую жену "за ненадобностью", а отчасти даже из уважения к начальству, которое молодая новая жена сумеет принять и угостить лучше, чем слабая и глупая старуха. Без сомнения, нехорошо убивать жен и хорошо, что закон этого не допускает. Но... чувствуется все-таки, что, будь на месте лица, от имени которого ведется рассказ, другое начальство, более "милостивое" и более склонное к аргументации богатого Ламбея, -- все кончилось бы благополучно, в полной гармонии с местными нравами. И опять проглядывает что-то стихийно-трагическое в этом маленьком уголовном эпизоде. На непосредственно дикую расправу дикаря, считающего себя даже правым, цивилизация отвечает тюрьмой, что для самоеда равно смертной казни. И цивилизация тоже и в еще большей степени права. Но разве не в этом сущность "трагического"? Следовательно, приехавший за Ламбеем, почти убегает на своих санях от чума, где все оплакивают трагически и неожиданно гибнущего хозяина... "Темный конус чума, курясь легким дымком, быстро отбегает к самому краю равнины. Сначала он превращается в маленький игрушечный чум, потом в пятнышко, потом в точку и -- исчезает на горизонте..."

Наше краткое изложение первых двух очерков г-на Серафимовича дает некоторое понятие об его манере. В остальных рассказах действие происходит уже не на севере, но в каждом присутствуют те же черты: живые и яркие описания и некоторая эскизность в обрисовке фигур. Это -- как будто акварельные наброски, сделанные на ходу умелой и талантливой рукой наблюдателя, который едва ли сам и особенно тщательно выбирал предметы наблюдений, и уж во всяком случае не останавливался над ними подолгу.

Тут есть и фигура безногого моряка на фоне красивой "марины" ("Прогулка"), и суровые картины зимней ловли азовских рыбаков ("Месть"), и картинки казачьего отряда на походе, и очень хорошее описание тяжелой работы рудокопов во тьме подземелий ("Под землей")...

Отметка на обложке ("Том 1-й") позволяет ждать продолжения.